

Они вынуждены были передвигаться с лёгкой кавалерией. Конная повозка не могла проехать по извилистой горной тропе, и хотя низкорослый пони Лю Сяньаня был проворен, а его выносливость — немалой, он двигался очень медленно, топ-топ-топ-топ, растягивая время до бесконечности. Поэтому Хуа Пинъе подобрал для него нового гнедого коня — с такими же длинными ногами, как у Сюань Цзяо, но с весьма строптивым нравом, который норовил лягнуть любого, кто приблизится.

Гао Лин был ошарашен:

— Тебе самому трудно усидеть на этом «предке», а ты хочешь, чтобы Второй Молодой Господин Лю на нём ехал?

— Разве не сойдёт? Но раз Второй Молодой Господин Лю даже Сюань Цзяо объездил, я подумал, он мастер в обращении с лошадьми. — удивился Хуа Пинъе.

Пока они разговаривали, Лю Сяньань рядом вздрогнул от резкого движения гнедого коня и отступил на два шага назад. Мёртвый корень зацепил его лодыжку, и он едва не упал в грязь.

Лян Шу вовремя подхватил его и легко посадил на Сюань Цзяо:

— Сиди смирно. Ты поедешь на этом.

Лю Сяньань ухватился обеими руками за седло:

— ...Хорошо.

Лян Шу развернулся и вскочил на гнедого коня. Одной рукой он натянул поводья, а другой сердито одёрнул его, прикрикнув вполголоса:

— Веди себя прилично!

Гнедой конь нехотя отступил на два шага. Хотя он всё ещё выглядел недовольным, в конце концов перестал вести себя как исчадие ада. Он лишь топнул копытом на месте, не издавая ни звука.

А-Нин туго затянул свой рюкзак и вскарабкался на крупного коня. Пережитое и услышанное в пути немного изменило его душевное состояние. Он стал более зрелым и рассудительным, похудел, а его прежде детское лицо потеряло пухлые щёчки. Заострившийся подбородок придал ему сходство с весенней ивой — стройной и тянущейся ввысь.

Группа выехала из города Цуйцю на рассвете.

Беженцы у городских ворот пробудились от конского ржания и один за другим открыли тяжёлые веки. В оцепенении они наблюдали, как окутанная туманом группа всадников исчезла в мгновение ока, словно уносимая ветром.

В первые дни пути вдоль дороги ещё встречались беженцы, но через несколько дней их стало заметно меньше. Наткнувшись на оборванное семейство из пяти человек, стражи подъехали расспросить о ситуации. Молодой человек сказал:— Говорят, хозяин города Цуйцю не откроет ворота. Туда идти бесполезно — в горах и лесах люди могут только умереть с голоду, поэтому все отправились в город Саньшуй, где можно раздобыть еды.

Если не есть — умрёшь, но если присоединиться к бунтовщикам — тоже не факт, что выживешь. Когда человек в отчаянии, когда его единственная несбыточная мечта — «выжить», ему не до размышлений о том, не пропитана ли еда в Саньшуйе кровью других людей. Их не волнует, есть ли среди чиновников и солдат, на которых они нападают, невинные.

Хаос царил не только в мире, но и в сердцах людей. Лю Сяньань сказал А-Нину:

— Здесь всего одна семья, грабежа не спровоцируешь. Дай им немного еды.

А-Нин достал из сумки пачку сухих лепёшек, завернул их и протянул молодому человеку:

— В ближайшее время город Цуйцю не откроет ворота, да и у горожан уже не осталось риса. Этой еды вам должно хватить до Ваньхэ — там ситуация намного лучше.

Молодой человек казалось, не верил своему счастью, а его жена украдкой вытирала слёзы. А-Нин настойчиво предупредил:— Спрячьте еду и не ешьте на виду у других. И не раздавайте её другим беженцам из жалости — иначе не только не спасёте их, но и сами погибнете.

Семья благодарила их без конца, прежде чем продолжить путь по горной тропе.

Лян Шу спросил Лю Сяньаня:

— Ты его научил?

Лю Сяньань покачал головой:

— Мне не нужно было его учить.

— Так и есть, — сказал Лян Шу. — Только в мирные времена можно вырастить неопытного

простака. Увидев подлинную суть людей в смутные времена, быстро теряешь наивность.

— Значит, в этой жизни князь хочет, чтобы в Даяне было больше таких простаков? - Подумав ещё, добавил — Но в этом нет ничего плохого. Если они не будут коварными и злыми, пусть лучше будет больше беспечных молодых господ, целыми днями выгуливающих птиц и устраивающих бои сверчков. Это тоже соответствует выражению «процветающая эпоха».

В конце концов, процветание — это процветание, и люди естественным образом стремятся к беззаботности. Лян Шу тоже подумал, что после слов Лю Сяньяня мелкие чиновники в Ванчэне вдруг показались ему немного милыми. Конечно, их всё равно нужно было проучить, но после наказания они могли бы стать своеобразным украшением мирной и процветающей эпохи.

Однажды в горах они встретили маленькую девочку. Вся перемазанная грязью, она напоминала тощую обезьянку, и только глаза её были большими и ясными. А-Нин вытер ей лицо и дал немного еды. Сначала он подумал, что ребёнка бросили беженцы, и уже размышлял, что с ней делать, как из леса поспешно вышла женщина. Она схватила девочку за руку и бросилась прочь, таща её за собой.

— Тётя, помедленнее, мы не плохие люди! — поспешно крикнул А-Нин. — У вашей дочери вывихнута нога!

Стражник подскочил и перегородил им дорогу. Женщина дрожала от страха, не в силах вымолвить ни слова. Лишь после долгих уговоров А-Нина она немного успокоилась и, заикаясь, объяснила, что родом из деревни Сяочжао. Несколько дней назад в деревню ворвались солдаты, заявив, что собирают провиант для армии. Многих убили, а оставшимся жителям пришлось прятаться в горах.

Гао Лин мысленно выругался. Вот ублюдки.

Было два возможных объяснения:

Первое — беженцы выдали себя за солдат гарнизона, чтобы грабить и убивать, что уже было халатностью со стороны Лу Сяна.

Второе — гарнизонные солдаты и вправду настолько обнаглели, что воспользовались нестабильностью в мире, чтобы убивать людей и набивать собственные карманы, что было ещё большей халатностью Лу Сяна.

Согласно словам женщины, солдаты не ушли после грабежа, а остались жить в деревне Сяочжао, будто так и надо. Недавно один смельчак спустился посмотреть и обнаружил, что они всё ещё там.

Лю Сяньань сказал:

— Если продолжить спускаться по этому горному изгибу, мы должны достичь деревни Сяочжао до полуночи.

— Тогда поехали, — развернул коня Лян Шу. — Посмотрим, откуда взялись эти твари.

А-Нин украдкой взглянул на выражение лица князя и подумал... что этим негодьям, возможно, не дожить до полуночи.

Перевязав девочке рану, он поспешил вслед за остальными.

Лю Сяньань и А-Нин к настоящему моменту уже в достаточной мере освоили искусство верховой езды, поэтому никоим образом не замедляли продвижение кавалерийского отряда. Когда ночные сумерки окончательно сгустились, вся группа беспрепятственно достигла деревни Сяочжао, где у въезда их встретил развевающийся на ветру флаг с чётко различимой символикой гарнизонных войск Даянь. Несколько вооружённых солдат неспешно патрулировали периметр, охраняя пылающий костёр, а на грубо сколоченном деревянном столе виднелись глиняные кувшины с вином и большие куски жареного мяса - очевидно, провиант использовали для защиты от пронизывающего ночного холода. Один из военных, широкоплечий мужчина с небритым подбородком, лениво придвинул к себе стул и рассеянно потянулся за обглоданной костью. Сделав пару небрежных укусов и явно не впечатлившись вкусом, он с брезгливой гримасой швырнул остатки цепной собаке, прикованной неподалёку.

Взбешённое животное яростно дёрнулось, рассыпая искрящиеся угли костра, и горящее полено, перекатываясь по земле, осветило прежде скрытый тенью участок. Зрачки Лю Сяньаня внезапно сузились - только теперь он с ужасом разглядел, что на другом конце массивной железной цепи был прикован измождённый человек. Неподвижное тело с растрёпанными грязными волосами было покрыто многочисленными тёмно-коричневыми пятнами, безошибочно напоминавшими засохшую кровь.

Почуввав запах пищи, пленник едва заметно приподнял голову и тусклым взглядом посмотрел на собаку. Солдаты громко расхохотались, нарочито медленно бросая ещё один кусок мяса прямо перед псом. Грубо наступив ногой на спину несчастного, они схватили его за спутанные волосы, с силой пригибая голову к земле и явно принуждая бороться с животным за пищу.

— Что, будешь есть или нет? Разве ты не голоден, а? Давай же, ешь! - солдаты продолжали цинично издеваться, один из них уже достал гибкий кнут, собираясь ударить. Но едва он занёс руку, как раздался резкий треск - его рука неестественно выгнулась в локте, а сам он с душераздирающим воплем рухнул на землю.

— Даже лесные твари благороднее вас, мразь, - Гао Лин медленно опустил тугой лук, с холодным презрением окидывая взглядом эту компанию. - Я и не предполагал, что в армии Даяня ещё водятся подобные отбросы.

— Кто вы такие?! - оставшиеся солдаты в панике схватились за оружие, но, оценив численность и вооружение незваных гостей, не решались атаковать первыми. - Мы из батальона Юнцзы под непосредственным командованием цзян-дарэня! У нас официальный приказ о реквизиции провианта для армии! Советуем не вмешиваться не в своё дело!"

— Какого именно цзян-дарэня? Цзян Тао или, может, Цзян Чжунци? - язвительно переспросил Гао Лин.

— Нет... наш командир - цзян-дарэнь Цзян Вэй...

— Мелкий чинуша, даже имени которого князь не удостоил запоминания! - голос Гао Лина дрогнул от ярости. - И такие, как вы, смеют называть себя защитниками государства?!

Он резким жестом приказал подчинённым освободить пленного.

А-Нин, увидев крайнюю степень истощения юноши, поспешно оторвал кусок мяса с солдатского стола, но тот лишь сжал потрескавшиеся губы, отказываясь прикоснуться к пище.

— Это... моя собака, - прошептал он, и в его глазах стояла бездонная скорбь. - Они её убили на моих глазах...

Руки А-Нина задрожали. Почувствовав ком в горле, он швырнул осквернённое мясо прочь и побежал к повозке за нормальными продуктами.

Тем временем Лю Сяньань осторожно приподнял голову юноши, давая ему несколько глотков чистой воды. Гао Лин с бойцами уже разогнали охрану, расчищая путь. Когда Лян Шу торжественно пересёк границу деревни, поднятый ими шум уже разбудил остальных мародёров. Те выскакивали из домов, не понимая происходящего, и прежде чем могли оказать сопротивление, были скручены элитной охраной дворца Сяо Ван. Всего тридцать шесть человек - с официальными печатями, подписанными указами и всеми атрибутами государственной власти. Настоящий гарнизонный отряд Даяня.

И от этого осознания становилось ещё горше. Беженцы хотя бы шли на преступления от безысходности. Эти же, получая жалование и кров, сознательно превратились в палачей собственного народа.

В хижинах обнаружили запертых местных жителей - преимущественно молодых женщин со следами насилия. Юноша, как выяснилось, был сыном деревенского старосты по имени А-Юн. Именно он организовал побег большинства жителей потайными тропами, а сам остался, готовый погибнуть, но не оставить деревню на растерзание. Однако в одиночку он ничего не мог противопоставить вооружённым солдатам...

Гао Лин пнул стонущего офицера:

— Сколько всего таких 'реквизиционных отрядов' было разослано?"

— Мы... мы знаем только про три отряда от нашего батальона... - захлёбываясь кровью, бормотал тот. - Но другие подразделения тоже мобилизованы... При подготовке к войне провиант решают первым делом... Нужно успеть раньше других...

Лян Шу сжал кулаки. Даже никому не известный мелкий чиновник смог отправить три карательных отряда. Если вся армия пущена в подобный "сбор", что останется от деревень в округе?

— Скормить их лесным волкам, - сквозь зубы произнёс князь. - Чтобы даже костей не осталось.

Когда стражи начали уводить пленных, А-Юн, опираясь на плечо Гао Лина, прошептал:

— Братец... Я слышал... вы говорили о Сяо...

Гао Лин твёрдо сжал его плечо:

— Князь не оставит это безнаказанным. Клянусь.

<http://bllate.org/book/14628/1297880>